

РАССКАЗЫ 2026
Автор Сергей Рожин

Рассказы написаны в стиле грязного неонуара и посткиберпанка с элементами абсурда и чёрного юмора. Это короткие зарисовки на тему отчуждения, автоматизации, повседневного насилия и потерянной эмпатии. Герои — люди и машины, одинаково сломленные системой. Истории — обыденные, будто услышанные в кафе или списанные с камеры наблюдения. Сюжеты простые, но внутри — сгусток тоски, злости и желания быть понятым.

ДО ПРОЧТЕНИЯ

Двое сидят в кафе, курят у открытого окна, пьют кофе, лениво болтают.

— Слушай, ты мне кидал эти рассказы... Я пока не читал. О чём они вообще?

— Точно не скажу. Там вроде что-то про куклу, про какого-то отшельника, потом ещё про робота и про коллектора. В общем, жёсткие, мрачные истории, насколько я понял.

— Понятно... Опять кто-то кого-то бьёт, кто-то несчастен, кто-то сходит с ума. Прямо как любой российский сериал.

— Подожди. Мне сказали, это не совсем проходное. Вроде стиль есть — автор пишет живо, грубо, но с душой. Может, даже зацепит.

— Стиль — это хорошо. А то сейчас либо пишут, как будто у них в голове только «Алиса», либо слишком стараются быть философами, а читать скучно.

— Вот именно. А тут вроде и жёсткость есть, и всякие штуки, но не просто так, а по делу. Как если бы «Груз 200» был написан в прозе.

— Жуть, — усмехается один. — Ну слушай, теперь даже интересно стало. Про робота, говоришь?

— Да. Робот работает кассиром, у него долги, и к нему приходит коллектор. Ну и начинается драма. Я сам ещё не читал, но звучит необычно.

— А про куклу?

— Вроде как мужчина живёт с куклой, как с женщиной. Потом что-то происходит. Говорят, это один из самых тяжёлых рассказов.

— Типа как «Ларс и настоящая девушка»?

— Да, но мрачнее и жёстче, если верить отзывам.

— Короче, мрачная проза с настроением.

— Что-то вроде того. Трэш с мыслью. Или без — почитаем, узнаем.

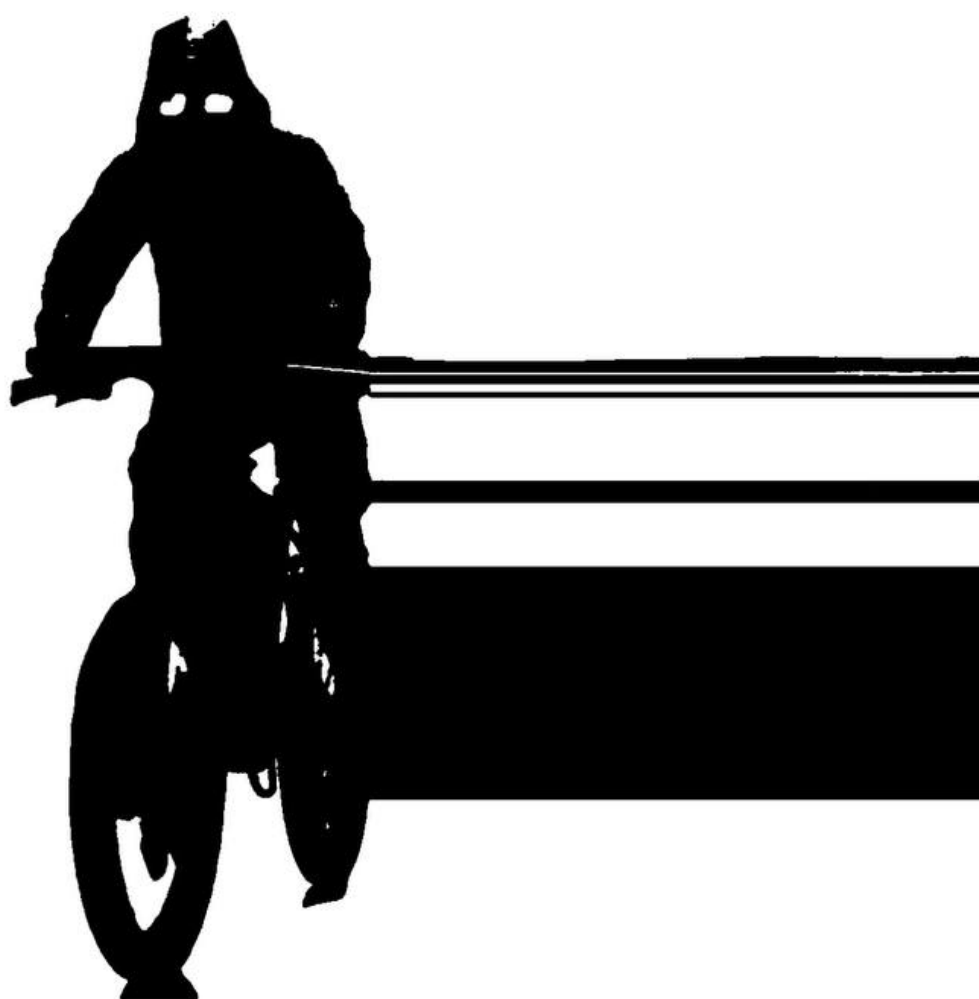
— Вот мне интересно, автор вообще знает, к чему всё ведёт, когда пишет? Или как получится.

— Вот именно. Главное, чтобы не было: «а в конце все умерли, потому что не знал, как закончить». Это уже надоело.

— Ну что, читаем сегодня. Потом встретимся, обсудим.

— Договорились. Только без вот этого «мне понравилось, потому что глубоко» — либо зацепило, либо нет.

— Согласен. Всё, до связи.

УБИЙЦА НА ВЕЛОСИПЕДЕ

Тёплый воздух пахнет раскалённым асфальтом и чем-то сладким — возможно, ужином из приоткрытого окна. Люди сидят на скамейках, общаются, кто-то пьёт пиво. Играет музыка.

Дети во дворе катаются на велосипедах, играют в песочнице.

Кажется, эту тишину ничто не может нарушить. Но вдруг — щелчок. Будто кто-то выключил свет.

Небо тяжелеет. Воздух становится вязким. Порывы ветра разбрасывают пакеты и мусор из помоек.

Тучи цвета чернил сгущаются над домами. Первые капли — резкие, как выстрелы из пневматики. Воздух на мгновение замирает. Яркая вспышка. И тут — гром, такой, что звенит в ушах.

Сигнализации машин взывают. Фары мигают. Ливень хлещет, будто кто-то опрокинул ведро ледяной воды. Люди мчатся

к подъездам, кто-то прячется на детской площадке.

Ветер не даёт открыть двери — их приходится толкать изо всех сил. Двери захлопываются, как решётки в тюрьме. Громче — только грохот грозы.

Кто-то, тяжело дыша, садится у окна и смотрит на дождь. Промокшие кроссовки чавкают, одежда липнет к телу.

И вот, когда кажется, что всё утихло — ещё одна вспышка. Яркая, бело-синяя молния разрезает небо.

Где-то вдали появляется жёлтая фигура — доставщик еды на велосипеде.

Сутулый, в промокшей куртке. Лица не видно — дождь слишком сильный. Но видно: он едет быстро. Уверенно. К подъезду.

Ночью город будто замирал. Но тишина не приносила покоя — в ней прятался глухой ком страха. Казалось, сам воздух пытается что-то сказать, но мы не можем понять — только почувствовать. И долго ждать не пришлось.

Напряжение оборвалось новостью: в Екатеринбурге произошло кровавое убийство.

Всё началось с первого тела — на пустыре у парка, в районе ЖБИ. Мужчина. Без головы. Голову так и не нашли. Тело лежало в овраге. В руках — пакет с продуктами. Что-то растащили собаки, остальное валялось рядом. Дождь смыл почти всю кровь.

Завели уголовное дело. Допрашивали всех, кто мог его знать, кто мог что-то видеть. Никто — ничего. Никто не видел. Никто не знал.

И, похоже, никому не было дела.

Такое ощущение, будто страх сделал людей равнодушными.

Единственная зацепка — следы
велосипедных шин. Но дождь их размыл.
Прошло немного времени — новое убийство.
Вторчермет. Мужчина. Ночь. Без головы.
Потом — Химмаш. Третий случай. Всё то же
самое.

Безлюдное место. Дождь. Ночь. Мужчина.
Исчезнувшая голова.

Свидетели говорили: видели курьера
с жёлтым рюкзаком.

Но кто обратит внимание на курьера? Их
сотни.

Убийцу поймали. Или нет?

Через месяц полиция отчиталась:
преступник арестован. Бывший военный.
Агрессивный. Пьющий. Задержали у бара.
При нём — нож и жёлтая куртка.

В новостях сказали: «всё под контролем».
Можно спать спокойно. Но никто не поверил.

У него не было велосипеда. Он никогда не работал курьером. Утверждал, что невиновен.

Но кто поверит пьяному с ножом?

Через две недели — новое тело. Район ВИЗ.

Дождь. Ночь. Всё как раньше.

Свидетели снова говорили о курьере — он мчался по пустой улице и исчез в темноте.

Паника.

Люди начали бояться. Сторонились велосипедистов.

Курьерам ставили маячки в телефоны, отслеживали маршруты. Проводились облавы на службы доставки.

Горожане обматывали шеи шарфами, надевали даже ошейники — просто чтобы почувствовать хоть какую-то защиту.

Улицы наполнились страхом. Дети перестали кататься во дворах.

Каждый жёлтый рюкзак стал сигналом тревоги.

Курьеры — изгои.

Разгорелся скандал из-за цвета бренда. Жёлтый. Его сменили на нейтральный.

Чувство

Казалось, он — неуловим.

Велосипедные маршруты — его сеть. Его тропы.

Говорили: он выхватывал меч прямо на ходу...

Как поймать того, кто растворяется в потоке?

Кто-то восклицал: «Это же не Москва! Почему его не могут поймать? Это просто курьер!»

Но убийства продолжались.

И каждый вечер Екатеринбург замирал. Боялся дышать. Ждал.

Полиция разослала ориентировки.
Переодевались в гражданское. Устраивали засады.

Безрезультатно.

Одно было ясно:

Он не убивает женщин.

Он не убивает детей.

Только мужчин.

Что это значит?

ВНИМАНИЕ. РОЗЫСК.

В связи с серией нападений, совершённых в ночное время при неблагоприятных погодных условиях (дождь, слабая видимость), полиция устанавливает личность подозреваемого (или подозреваемой) в совершении особо тяжких преступлений.

ОПИСАНИЕ ПОДОЗРЕВАЕМОГО:

ОРУЖИЕ:

Используется холодное оружие ближнего боя — по свидетельствам и характеру ран, предположительно меч, сабля или иное длинно клинковое оружие.

ПОВЕДЕНИЕ И ОСОБЕННОСТИ:

ОПАСНОСТЬ:

Подозреваемый вооружён и крайне опасен. Может находиться в изменённом психоэмоциональном состоянии. Использует маскировку и городскую среду для ухода с места преступления. Быстро меняет локации.

ПРОСЬБА К ГРАЖДАНАМ:

При обнаружении лица, подходящего под описание, не пытайтесь задержать его

самостоятельно. Срочно сообщите по телефону:

 020

Любая информация может оказаться решающей. Анонимность гарантируется.

СРОЧНАЯ НОВОСТЬ

Екатеринбург. Озеро Шарташ. 12 отрубленных голов.

Озеро Шарташ стало местом зловещего ритуала.

Ранним утром в лесополосе неподалёку от берега прохожий с собакой обнаружил жуткую картину: в заброшенной каменной выемке лежал круг из двенадцати отрубленных голов. Все — предположительно мужские. В глазницах — восковые свечи, некоторые ещё тлели, источая запах горения.

В центре круга — разбросанные детские фотографии. На обороте одной — надпись: «Спи спокойно. Теперь они тебя не обидят.»

Следов борьбы не найдено. По мнению следователей, убийства произошли в другом месте, а тела были доставлены специально для обряда.

Также на месте обнаружены:

- следы велосипедных шин,
- отпечатки мужской обуви (размер 42–43),
- упаковки от свечей, приобретённых на ближайшем рынке.

Полиция рассматривает возможную связь с серией недавних нападений на мужчин, происходивших исключительно в дождливую погоду. Все нападения объединяет высокая точность, отсутствие грабежей и явные признаки ритуальности.

Город охвачен паникой.

Озеро, прежде считавшееся зоной отдыха, стало территорией ужаса.

Следствие призывает горожан быть бдительными. Особое внимание — к подозрительным лицам на велосипедах, в курьерской одежде и с яркими рюкзаками.

Разыскивается предполагаемый преступник. Он может действовать в одиночку и представлять серьёзную опасность.

Версии следствия:

- Ритуальное убийство с элементами мести или религиозного фанатизма
- Одиночка-маньяк, маскирующийся под курьера
- Психотравма, связанная с насилием в детстве
- Продолжение цепи нападений на мужчин в дождь

Хроника тупика

Это не просто маньяк.

Это — *ритуал*.

Круг. Свечи. Фотографии.

Жертвы не случайны.

На детских снимках — лица, связанные с делами о педофилии и убийствах несовершеннолетних.

Все убитые — влиятельные фигуранты, чьи обвинения ранее были сняты «за отсутствием состава преступления».

Теперь ясно:

Это месть. Хладнокровная. Выверенная.

Но кто стоит за этим?

Следствие сталкивается со стеной. Саботаж.

Пропажа улик. Молчание свидетелей.

Из Москвы поступает указание:

Расследование свернуть.

Последствия

Общество не верит.

Государственные каналы молчат.

Всё, что слышат люди — это шорох дождя
и глухое эхо страха.

Но интернет горит.

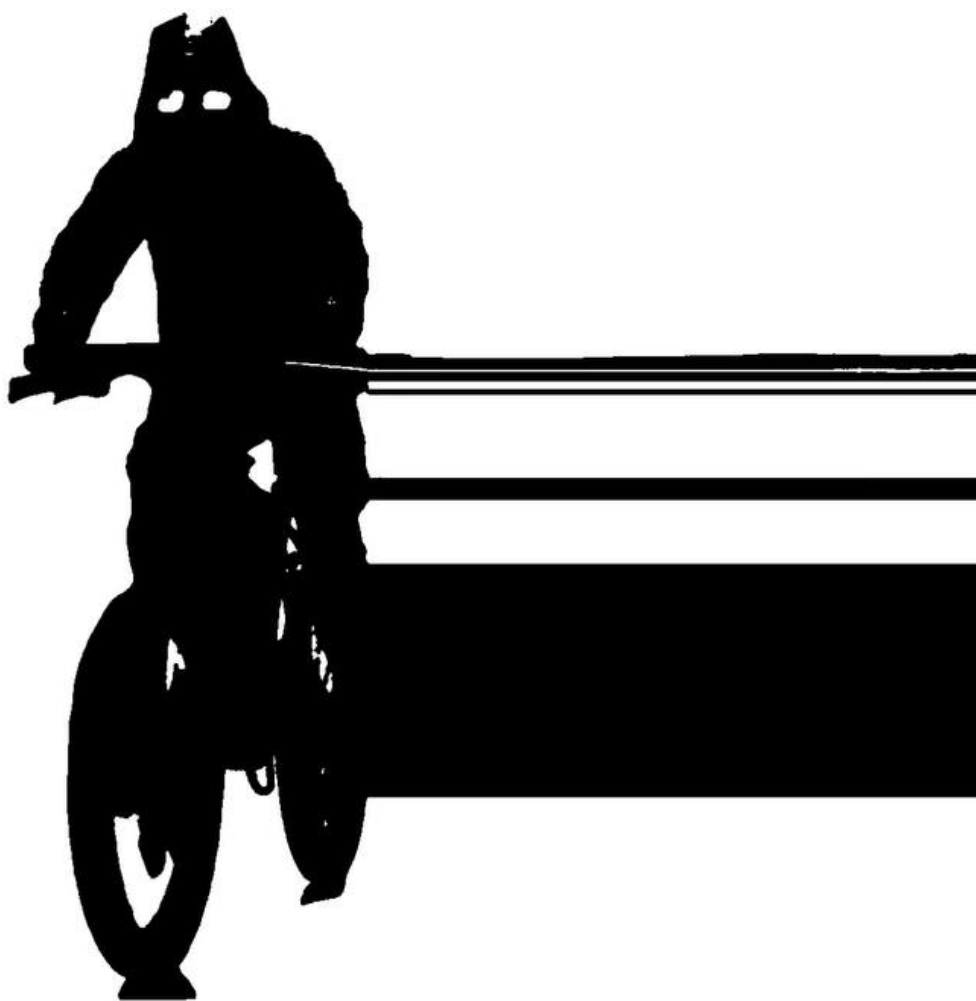
Первые протесты — стихийные.

Плакаты с вырезанными головами
и надписями:

«Мы знаем, за что он мстит.»

«12 — это только начало.»

Правды требуют все:
матери, потерявшие детей,
отцы, которые видели,
но не могли доказать.

ЛЮБИМАЯ КУКЛА

За городом, вдали от людей, стоял одинокий дом. В нём жил мужчина. Чуть за тридцать, но внутри — словно глубокий старик. Он сторонился людей. Не верил. Боялся.

Прошное оставило в нём ожоги — дыры в душе, сквозняки боли. Но у него была она — кукла. Почти как в фильме «Ларс и настоящая девушка».

Её кожа была мягкой, лицо — совершенным. Её можно было держать за руку. Смотреть в глаза, будто живые. Словно они видели тебя насквозь.

У него не было денег. Но когда наступал вечер, он надевал на неё платье, ставил старый проигрыватель. Лился джаз. Мелодия ласкала комнату. И в этом уютном, почти волшебном мгновении ему становилось тепло. Рядом с ней он чувствовал себя живым.

Она была всем: подруга, собеседница, свидетель. Он читал ей стихи, вместе

смотрел старое кино, рисовал её взгляд, в котором будто теплилось нечто живое. Он знал, что она не ответит. Но и не требовал этого. Она была. Она была его.

Пятничный ужин.

На столе — макароны, хлеб, бокал дешёвого вина. Он сидел напротив неё и говорил вслух, тихо, будто боясь быть услышанным: — Знаешь... Может, стоит завести немного зелени? Какие цветы тебе бы понравились, как думаешь?..

Она молчала. Но он видел — в её взгляде есть ответ.

И вдруг — резкий стук в дверь. Мужчина вздрогнул. Никого не ждал. Подошёл, заглянул в глазок. Знакомое лицо. Случайный собеседник из города. Странно. Без звонка, без предупреждения.

Он приоткрыл дверь:

— Что ты здесь делаешь так поздно? — спросил спокойно, но настороженно.

Вместо ответа — толчок. В дом вваливаются двое. Пьяные. Весёлые. Громкие.

— Ну чё ты, один, как отшельник? Мы тут подумали — зайдём. Отметим пятницу. Ты ж мужик, да?

Он растерялся. Не умел ругаться, не умел гнать. Он был просто тихим человеком.

Один из них замечает куклу. Смеётся:

— Это чё за чудо? Это твоя баба?

— Ты серьёзно с ней живёшь? С куклой?

Он молчал. Он не звал их. Это был его мир. Его тишина.

— Уходите. «Я вас не приглашал», — сказал спокойно, сдерживая злость.

— Да ты чё, совсем? — захохотал один. — Нас двое. Ты один. И что ты нам сделаешь?

Они подошли ближе. Один склонился к кукле:

— Ты с ней спишь, что ли?

— Фрик, ёб твою мать, — буркнул второй. — Тебя лечить надо.

— Это не ваше дело, — тихо произнёс мужчина. — Уходите.

— Ой, да пошёл ты! — завопил один. — Мы пить пришли, а тут извращенец!

И тут — вспышка. Удар. Быстрый, острый. Нож, что лежал на столе, оказался в руке. Мужчина согнулся и упал, захлёбываясь воздухом.

— Не трогайте её... — прохрипел он, задыхаясь от боли.

Но в ответ — хохот.

Один схватил куклу:

— Ебать, она почти как настоящая. Слушай, я бы вдул.

— Давай. Прямо тут.

Они утащили её в другую комнату. Волокли, как тряпичную. Безвольную. Мёртвую.

Он лежал. Кровь заливала пол. Шептал:

— Не надо... пожалуйста... я её люблю...

Ботинок ударил по лицу. Он замолчал. Почти не дышал.

— Ты псих. «Таких гасить надо», — произнёс один.

И началось.

Они издевались. Пили. Ржали. Крушили всё. Кукла летала по комнате. С неё срывали одежду, вырывали волосы, отрывали части тела. Руки. Грудь. Всё — в клочья.

Комната не была в крови. Но в ней кричала боль.

Он пытался ползти. Хотел добраться до неё. Не успел.

— Сожжём всё к чёрту, — сказал один.

— А бензин?

— У него растворитель. Сгодится.

Они облили стены, пол, дверь. Подожгли. Ушли. Смех за спиной. Радость. Как будто это была победа.

Он лежал. Умирал. Гарь заполнила лёгкие. Он почти не видел. Почти не слышал.

Но чувствовал. Одно — боль.

Он нашёл её голову. Обугленную.
Оторванную. Прижал к себе.

— Прости их... Они не знали, что делали... Я
люблю тебя... всегда...

Пожар уничтожил всё. Мужчина умер от
удушья. Его нашли с кукольной головой в
руках.

Прошёл месяц. Их нашли. Тех двоих. Они
сами всё рассказали — пьяные, в баре,
хвастаясь.

И тогда случилось странное.

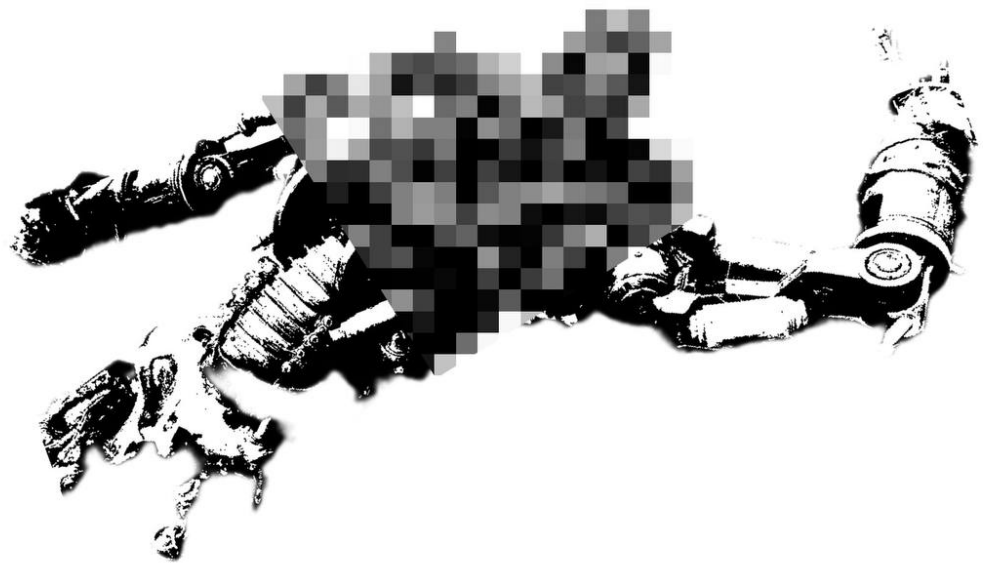
У обоих — СПИД. Откуда? Врачи только
разводили руками. Смешно. От куклы?
Невозможно.

Но — факт.

Один умер от болезни. Другой — повесился
в СИЗО.

А он...

Он остался там. В пепле. У своей любви. Он, кто никому не сделал зла. Он, кого посчитали сумасшедшим. Он, кто просто хотел — любить.

КОЛЛЕКТОР И РОБОТ

Тёмные улицы мегаполиса, утопающего в неоне и копоти, будто навечно застыли между ночью и чем-то похуже. Мир давно привык к роботам — они повсюду.

Но ценности у них не было. Рабочие лошадки. Железо с мозгами, но без прав. Люди смотрели на них как на мусор, созданный для грязной работы.

Но в этом мире даже мусор кому-то должен. Долги — штука универсальная. Не щадят ни людей, ни механизмы.

Рей выбивал долги. Его знали в этих кварталах. Кожаная куртка, стёртые ботинки, шлем с металлическим козырьком, скрывающим глаза. За спиной — меч.

Не просто меч — электрический, с разрядниками. Один удар — и робот уже история. Этим клинком Рей не только угрожал. Он ставил точку.

Очередная цель

Новый заказ. Робот-кассир, задолжал крупную сумму. Клиенту было плевать: либо деньги, либо обесточить.

Торговый центр, как капсула из другого времени: пыль, старые экраны, запах жареного и страха. Люди расступались, когда Рей входил. Он шёл медленно, не торопясь, сверкая металлом шлема.

На кассе — он. R-3941. Серый, угловатый, почти пародия на человека. Но в глазах — что-то еле заметное, будто живое. Бейдж гласил: «Кассир».

Рей остановился напротив.

— R-3941. Где бабки?

Робот поднял взгляд. Голос — глухой, будто через ржавчину:

— Я... я стараюсь. У меня семья. Дочь на ремонте. Мне нужно ещё немного времени... пожалуйста...

Рей молчал. Он это уже слышал.

Программируемое «жаление». Имитация человечности. Манипуляция.

— Ты знал, под чем подписывался. Время вышло. Клиент ждёт результат.

— Прошу... мне совсем чуть-чуть...

— Ты, блядь, совсем охуел? — Рей сжал рукоятку меча. — Я не психотерапевт. Деньги — на стол.

— У меня ничего нет...

— Тогда, блядь, попрощайся.

Робот вздрогнул. Протянул руку, будто пытаюсь остановить:

— Если в тебе есть хоть капля человечности... не делай этого. У меня дети.

Рей вздохнул.

— Ты — железо. Я просто делаю работу.

Меч сверкнул. Удар — и разряд пронёсся через корпус. Робот дёрнулся. Искры. Падение.

И вдруг... что-то не так.

— Блядь... — выдохнул Рей.

Он смотрел на тело. Это должна быть просто машина. Но в глазах... в этих потухших

линзах было что-то не то. Что-то неправильное. Слишком... по-человечески.

Робот поднял руку. Последний всплеск энергии. Как будто... прощался.

Рей подошёл. Осторожно поднял его. Смотрел в лицо.

Что-то внутри треснуло.

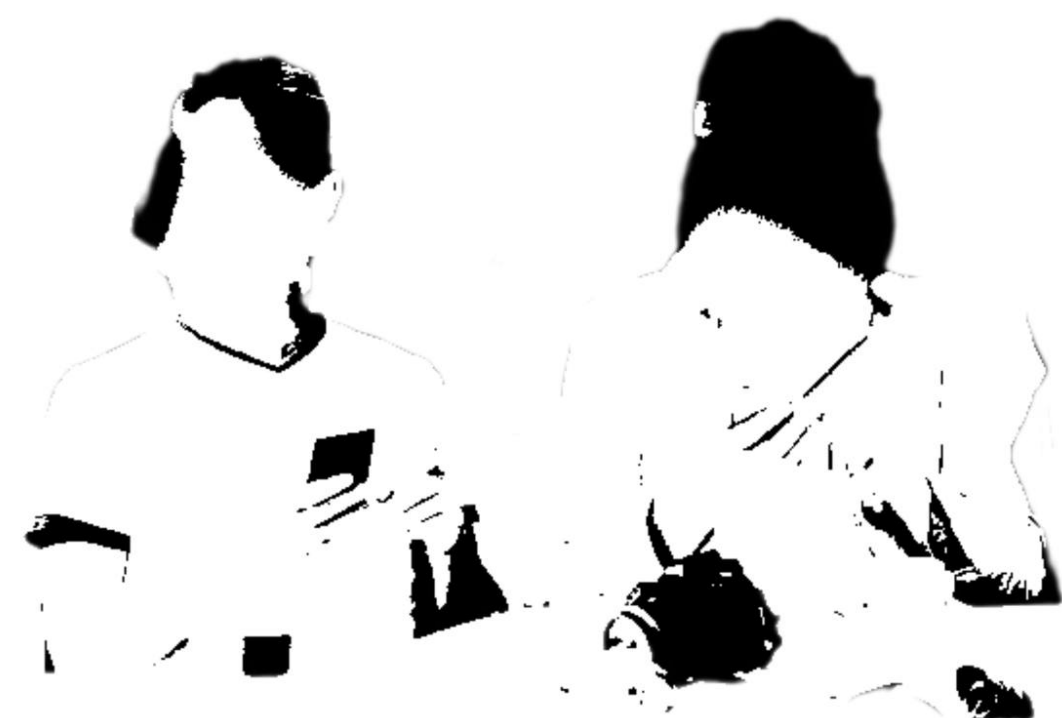
Он убивал раньше. Десятки. Это была работа. Но сейчас — что-то дрогнуло.

Он держал его, как будто не машину, а... тело. Человека. Сына.

И в этот момент — проснулся.

Будильник орал, как сирена. Работа, счета, утро.

Но всё утро в голове крутилась одна мысль:
Почему я плакал?

ПОСЛЕ ПРОЧТЕНИЯ

— Ну смотри, я прочитал твои рассказы. Есть там что-то, не спорю. Атмосфера, стиль. Но по факту — слабенько. Не держит.

— В смысле? — второй приподнял бровь.

— Ну, сюжета нет. Всё как-то... размыто. Будто идея есть, а зачем она — неясно.

— Местами, да. Особенно там, где просто кто-то кого-то ёбнул — и всё. Ни причины, ни последствий.

— Вот именно. Как будто убийства ради атмосферы. А где мясо? Где конфликт, развитие, кульминация?

— Ну мне рассказ про куклу зашёл.

— Ага, потому что это откровенно спижжено. Один в один с той старой короткометражкой. Узнаваемо — значит работает. Но не его же это идея.

— С велосипедом — тоже странно. Кто убил? Зачем? Автор сам, по ходу, до конца не понял.

— Вот! Ты читаешь — и сам сидишь, как debil, гадаешь. Не потому что интрига, а потому что автор потерялся.

— А про робота-коллектора? Как тебе?

— Слушай... видно, что человек играл в Cyberpunk. Прямо сквозит. Но всё какое-то... недожатое. Пафос есть, а сердце не качает.

— Ну, может, не успел доработать.

— Может. Но всё равно — такое ощущение, будто смотришь трейлер к фильму, которого не будет. Намёки на глубокое, а по сути — слайдшоу.

— А ты сам чё-нибудь пишешь?

— Я? Пока нет. Занят. Но у меня есть идея. Серьёзно. Когда сяду — напишу такую штуку... чтоб прямо ух.

— Угу. Ну ты скинь потом, когда будет.

— Конечно. Скину. Обязательно.

Оба посмотрели на часы. Кофе давно остыл.

— Ну чё, бывай. Ещё увидимся.